

ЭТИМОЛОГИЯ БУКВЕННЫХ ИМЁН СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ: «ЕСТЬ», «ЖИВЪТЕ», «ЗЪЛО»

Источниками значения буквенного имени являются абстрактно-предметные понятия соответствующей культурно-языковой общности, реалии культурного знания (слова-символы, термины древнего знания, слова, выражающие религиозно-мифологические идеи и т.п.). Предметом нашей работы является этимология имён кириллических букв. Исследования в этой области предпринимались рядом авторов XIX-XXI вв. Следы этимологических разысканий сохранились с XVIII века [Прозоровский 1888; Чудинов 2002]. Эта проблема имеет в основе своей нечто такое, что притягивает к ней как противников смысла, так и сторонников смысла данных знаков [Иванова 2000: 64; Карпенко 2006; Саблина 2000; Савельева 1994; Степанов 1993]. Причиной разногласий следует признать различие философских, религиозных, психологических и научно-методологических оснований данных исследований, о чём мы давали разъяснение ранее [Будейко 2012: 15-130]. Немаловажной причиной могут быть ошибки составителя азбуки и позднейших переписчиков данного «текста», включая народную этимологию позднейших «справщиков азбуки». Другой стороной этой проблемы дешифровки является имеющийся тезаурус адресата, который может быть неадекватен культурному уровню составителя (адресанта) азбучного текста. Также следует учитывать, что имена букв в силу их исторического контекста чрезвычайно многозначны, полисемичны. Полное индуктивное умозаключение касательно данного предмета реально невозможно в силу бесконечности древнего терминологического знания [Синайский 1985: 259-265], а выводы от неполной индукции, получавшиеся от имеющихся у науки исследований, остаются вероятностными. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с проблемой понимания целостности знания, которая увязывается с проблемой дешифровки лексической, текстовой совокупности, которая остаётся неоткрытой вот уже более 200 лет, т.е. со времени возникновения и использования сравнительно-исторического метода и этимологического приёма.

В буквенных именах прослеживается очевидная аналогия с обычными наименованиями. Если, например, представить детские кубики, на которых

изображены буквы с картинками, то не возникает сомнения в том, что названия предметов изображённых на грани кубика имеют смысловую связь с названием буквы изображённой, хотя эта смысловая связь произвольна и соотношение очень упрощено: буква – звук – рисунок предмета, название которого начинается с этой буквы (так называемая акрофония). Сложнее, но сходным образом обстоит дело с названиями кириллических букв, которые передаются разносложными словами (совсем не так, как, например, в латинице, где названия букв односложны: а-бэ-цэ-дэ...), но принцип связи и соотношения сходный. В интерпретации слов азбуки следует иметь в виду, что слова эти связаны со старославянским языком, который возник на основе языка македонских болгар [Турбин 2002: 31-45], а также с древнегреческим и древнееврейским языками.

В старинных азбуках-молитвословах XVII века и ранее встречаются списки из житий святого Кирилла (Константина Философа), где есть слова:

«Кирилль Философъ ... къ Богу моляся, написа... тридесять и осмь словъ...» [Азбука 1961: 1], указывающие по преданию, что азбука была составлена не только из набора букв (знаков, символов), но и из слов, наименовывающих буквы. Любое слово, как известно, имеет свой смысл, пусть и непонятный современному читателю по скудости языкового и культурного знания. Ранее мы давали разъяснения касательно этимологии А, Б, В, Г, Д [Будейко 2013]. Мы продолжим с Е.

Е – есть – ср. сущность. Есть – представляет глагол 3 л., ед. числа настоящего времени от глагола быти. С именем этой буквы связано понятие сущности (ср.-греч. ἡ ὑπόστασις, ἡ οὐσία), основательности, бытия, как и с иными формами этого глагола.

Ж — живёте – живите (повеление жить), встречаются варианты этого глагола в мн. ч. «Schiviet ж [живете]. Lud., 6. 1696 г. Бжіе имя [пиши] съ живётемь полностью» Алф. Калайд. Ю. екз., 198. XVII в. [СлРЯ XI-XVII вв. 1978: 5: 99].

С — сѣло. В настоящее время др.-рус. сѣло / зѣло переводится наречием «сильно, очень, весьма» [СлРЯ XI-XVII вв. 1978: 5: 371]. То, что первоначально в древнерусском и старославянском языках это слово было существительным, а не наречием, требует объяснения и доказательства. В своей книге «Историческая грамматика русского языка. Именное склонение» В.М.Марков пишет: «В современном литературном языке, как известно, средний род получает поддержку в немногих активных словообразова-

тельных процессах, определяющих, главным образом, возникновение образований на *-ние* и *-ство*. За пределами собственно суффиксальных и некоторых конфиксальных образований (ср. *предгорье*, *бездорожье* и под.), характеризующихся, как правило, отвлечённым значением, количество существительных среднего рода ничтожно, а между тем обращение к древнерусскому материалу убеждает нас в том, что когда-то категория «бессуффиксных» существительных на *-о* была достаточно активной. Об этом тем более приходится помнить, что с этим связано понимание происхождения наречий типа *слъва*, *справа*, *досуха*, *докрасна*, *попусту*, *вмалтъ* и под.» [Марков 1974: 14-15]. В связи с приведённым высказыванием следует помнить, что большая опасность при историческом объяснении современных образований заключается в возможности перенесения современных представлений на прошлое, на более ранние периоды истории языка. Именно эта ошибка, в чём легко убедиться, допущена в замечаниях, отражающих принятый многими взгляд на образования типа *бело*, *зело*, *черно* как на наречия, когда упускается из виду, что «современные прилагательные восходят к недифференцированной группе имён конкретно-предметного значения. Общеизвестно и то, что имя прилагательное как часть речи сформировалось «на основе синтаксической категории определения» [Якубинский 1953: 210], т.е. зависимого, определяющего слова, по отношению к которому употребление предлога было невозможно. Дифференциация имён существительных и прилагательных привела к возникновению словообразовательных связей между именами. При этом та или иная основа начинала мыслиться как специфическая принадлежность либо имени существительного, либо имени прилагательного, по отношению к которым и рассматривались позднейшие словообразовательные группы. Если основа *бъл-*, не осложнённая специальными суффиксами, стала рассматриваться как основа имени прилагательного, на базе которой возникло существительное *белок*, то основа *низ-* представляется в настоящее время основой имени существительного, по отношению к которому осложнённое суффиксом образование *низъкий* рассматривается как производное слово. В связи со сказанным понятно, почему, например, образование *добела* мы готовы рассматривать как слово, образованное от прилагательного, тогда как образование *донизу* мы уверенно соотносим с существительным *низъ*. Очевидно, и в первом случае мы сделали бы то же самое, если бы помнили о существительном *бело*, встречающемся, например, в следующей посло-

вице: *Полюби-ка насъ въ чернѣ, а въ бѣлѣ и всякъ полюбить* [Даль 1989]» [Марков 1974: 16]. Также белорус. *бѣло, а, с. ср. Бѣлизна*, употреблена въ поговорице: *Не гляди бѣла, абыбъ рабоча была* [Носовичъ 1870: 41].

«Соотнесѣнность с именами предметного значения, – пишет В.М.Марков, – ярко проявляет себя, таким образом, всякий раз, когда оказывается возможной соотнесѣнность указанных наречий с «реальными» существительными вроде *верхъ, низъ, бокъ и под.* Вместе с тем никто не пытается объяснить наречие *созла* на основе соотнесѣнности с именем прилагательным *злой* по той простой причине, что существительное *зло* ещё живо и сохраняет все свои характерные формы. Чем же, спрашивается, отличаются от него такие образования, как *справа, слева, досуха, докрасна, вмале, поровну, засветло* и подобные? Естественно, лишь тем, что существительные типа *право, лево, сухо, красно, мало, ровно, светло* и под., с точки зрения носителей современного литературного языка, представляются невозможными вопреки тому, что без особого труда может быть обнаружено в диалектно-фольклорной речи и в древнерусских документах» [Марков 1974: 16].

«Трудно, например, усомниться в предметном значении таких слов, как *право* и *лево* в известном «не знает, где *право*, где *лево*». Разумеется, только существительные можно видеть в образованиях *красно* и *черно* в такой, например, поговорице, указанной В.И. Далем: *От красна до черна недалече*. Сравним: *молодо – зелено* и т.д. В древнерусских источниках употребление нужных нам существительных среднего рода – дело вполне обычное, на что указывал ещё А.А. Потебня [Потебня 1968: 3: 49-50].

Свои рассуждения В.М.Марков определяет в итоге так: «Обнаруживая в различных источниках «бессуффиксные» существительные среднего рода, мы тем самым подходим к решению вопроса о происхождении указанных выше наречий: все они возникали в результате закономерной адвербиализации субстантивно-предложных сочетаний <...>. Различия появляются по мере того, как начинают отмирать существительные типа *сухо, мало* и *под.* Этот процесс, таким образом, является одним из наиболее существенных проявлений истории грамматического рода, что при решении поставленной нами задачи должно быть отмечено наряду с указанием на устранение родовой синонимии и на дальнейшее закрепление ассоциации рода и пола» [Марков 1974: 17].

К нашему слову *сѣло*, мы видим, это имеет прямое отношение, поскольку по аналогии это слово могло быть именем существительным, имея, и в древнерусском, и старославянском языках категорию среднего рода. Аналогичное ср. праслав. *dělo, в.-луж. *džěto* ср.р. 'работа, дело; труд'; н.-луж. *žěto* ср.р. 'дело, создание, работа'; польск. *dzieło* ср.р. 'дело, работа' и т.п. [ЭССЯ Т.5: 7].

Известно, что название буквы в русск. азбуке: *Zelo s* [зѣло]. *Lud.*, 6. 1696 г. Злобу всяку и злое, и злыхъ пиши зѣломъ. (Алф. XVII в.) *Калайд.*, 200. <...> 8) Зѣльный, прил. большой, сильный. Зѣлый, прил. большой, сильный. «И посла царь Асирійскъ... къ царю Іезекію съ силою тяжкою зѣлою и възидоша къ Іерусалиму» (4 Цар. 18: 17). Библи. Генн.1499 г. – Ср. зѣльный. Позднее: Зѣло, нареч. сильно, очень, весьма. До зѣла – совершенно, окончательно [СРЯ XI-XVII вв. 1978: 5: 371-372]. В цсл. Библии 1900 г.: «вертоградъ зелейный» – сад масличный (Втор.11: 10). И далее: «...двѣ маслины»/ «двѣ вѣтви масличны...» – это «два сынове тучности» (Кн. прор. Захаріи 4: 11-14). Славянское тукъ – 1) жир; 2) плодородность, сочность. Рус. перевод этого места – «два помазанные елеем». Помазанность же предполагает благословение плодородия. Наша версия: 1) гипотетическое значение сущ. др.-рус. «зѣло / ст.-слав. *сѣло*» – плодородие, плодородность, плодovitость; ибо 2) по М.Фасмеру, зѣло / зѣло связано с белор. *до зѣла* «очень», ст.-слав. *сѣль* *сфодрѣс*, *сѣло* *сфѣдра*, *мѣла*, словен. *zelô*, др.-чеш. *zlelo* «очень»; || родственно лит. *gailùs* «резкий, едкий, мстительный», *gailas* «буйный», латыш. *gails* «сладострастный», др.-в.-н., ср.-в.-н. *geil* «похотливый» [Фасмер 1986: 2: 92]. Данные словоформы дают возможность связать происхождение этого корня др.-рус. зѣло / ст.-слав. *сѣло* с праславян. *goilo, где [z'] возник из [*g] по II палатализации перед э дифтонгического происхождения, а не из [*d]. Наличие аффрикаты [dz'] в в.-луж., н.-луж. и польском языках, даёт право предположить, что эта тенденция присутствует в языках западной славянской группы: произношение мягких [d'] и [t'] как аффрикаты [dz'] и [ц']. 3) Слово *гоило*, не претерпевшее перемен, находится и в др.-рус. со значениями: а) успокоение, укрепление; б) *то*, что даёт жизнь [СлРЯ XI-XVII вв. 1977: 4: 59].

Литература

1. Азбука съ начальными молитвами изъ древлепечатныхъ книгъ. Джорданвилль : Изд-во Св.-Троицкаго Монастыря, 1961. – 25 с.
2. Библия. Книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заѣта на церковнославянскомъ языкѣ съ параллельными мѣстами. Репринтъ 1900 г. М. : Изд-во РБО, 1997. – 1660 с.
3. Будейко В.Э. Проблемы представления информации в алфавитах (на материале кириллицы восточнославянских языков): монография / научн. ред. Л.А. Шкатова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 300 с.
4. Будейко В.Э. Этимоны славянской азбуки: азъ, буквы, вѣди, глаголи, добро. // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 74. 2013. №2 (293). С.71-73.
5. Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. 2-е изд. СПб. М., 1880-1882. М.: Рус. яз., 1989-1991. Т.1-4.
6. Иванова Т.А. Разгадана ли загадка славянской азбуки? По поводу работ Л.В. Савельевой // Славяноведение. 2000. № 2. С.64-68.
7. Карпенко Л.Б. Священная азбука Кирилла. 2-е изд., испр. Самара: Офорт, 2006. – 218 с.: ил.
8. Носовичъ И.И. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. СПб.: ИОРЯ и СИАН, 1870. –757 с.
9. Марков В.М. Историческая грамматика русскаго языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. –144 с.
10. Потебня А.А. Из записок по русскай грамматике. М.: Наука, 1968. Т.3. С.49-51.
11. Прозоровский Д.И. О названиях славянских букв // Вестник археологии и истории. СПб.: Изд-во Имп. ун-та, 1888. Вып. 7. С.63-82.
12. Саблина Н.П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянскай грамоты. СПб. : ЦКБ МТ «Рубин», 2000. – 188 с.
13. Савельева Л.В. Славянская азбука: дешифровка и интерпретация перваго славянскаго поэтическаго текста // Евангельский текст в русскай литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1994. С.48-81.
14. Синайский В.И. К проблеме терминологическаго языка, его образов и понятій о древнем знаніи, мудрости и премудрости // Записки академическай группы в США. Нью-Йорк, 1985. Т.ХVIII. С.259-301.
15. Степанов Ю.С., Проскурин, С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверія / Рос. АН, Ин-т языкознанія, Моск. гос. ун-т. М. : Наука, 1993. – 156 с.
16. Турбин Г.А., Шулежкова, С.Г. Старославянскій язык. М.: Флинта: Наука, 2002. – 216 с.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: пер. с нем. / под ред. О.Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986-1987. Т.1-4.
18. Чудинов В.А. Загадки славянской письменности. М.: Вече, 2002. – 528 с.
19. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О.Н.Трубачёва. М.: Наука, 1974-2007. Вып. 1-32.
20. Якубинский, Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. С.5-210.

Э.В. Михайлович

ДВЕ СЕРБСКИЕ ГРАФИКИ И СУДЬБА СЕРБСКОЙ КИРИЛЛИЦЫ: ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Возникновение письменности как особого средства общения сыграло огромную роль в развитии культуры и цивилизации отдельных человеческих сообществ, не случайно история любого народа, государства начинается с момента их упоминания в письменных источниках.

Между многочисленными функциями, которые письменность осуществляет в человеческом обществе, первой и основной является коммуникативная или информационная: любая графическая система служит для передачи посредством символов звучащей речи, для фиксации информации в письменном тексте. Однако то или иное письмо связывается в нашем сознании и с определенном типом культуры и узнается даже в том случае, если мы не можем прочесть текста. В данном случае можно говорить о символической функции графической системы. С этой точки зрения, и кириллица, и латиница это не просто набор значков: они являются символом принадлежности к определенному культурному, цивилизационному кругу. По словам М. Арапова, это «актуальные и идеологически нагруженные концепты» [Арапов]. Емкое образное определение письменности и её роли в человеческом обществе, которое даёт В.В. Прозоров, на наш взгляд, лучшим образом объединяет эти две ведущие функции письменности: «Письменность – форма организации культурной памяти человека и человечества. Национально-культурная идентичность во многом определяется именно письменностью. А идентичность – это, в конечном счете, ответ на вопрос, откуда мы и кто мы такие на этом мире» [Прозоров].